Materiallar to'plami · Conference Proceedings
"ZAMONAVIY TADQIQOTLAR VA BARQAROR RIVOJLANISH" respublika ilmiy-amaliy konferensiyasi
04 August 2026
UDK 811.161.1
FILOLOGIYA

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПЛЕОНАЗМОВ И ТАВТОЛОГИЙ В РУССКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ

Улугбек Карабекович Баисов*
старший преподаватель кафедры русского языка Ташкентского международного университета Киме
✉ baisovulugbek1973@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сопоставительному анализу лингвокультурологической специфики плеоназмов и тавтологий в русском и узбекском языках. Рассматриваются существующие подходы к разграничению плеоназма и тавтологии в русистике, а также функции тавтологических конструкций как стилистического приёма. Анализируются подходы к классификации видов речевой избыточности и их применимость к сопоставительному материалу. Особое внимание уделяется агглютинативной природе узбекского языка, для которого удвоение основы выступает регулярным словообразовательным механизмом, а не отклонением от нормы, а также лингвокультурологической специфике узбекской фразеологии. Обосновывается положение о том, что оценка конструкций как избыточных или стилистически оправданных требует учёта культурного контекста, в котором сложилась данная модель повтора.

Ключевые слова

плеоназм, тавтология, речевая избыточность, лингвокультурология, русский язык, узбекский язык, сопоставительная лингвистика, фразеология.

DOI: 10.5281/zenodo.21743833

Введение

Плеоназм и тавтология традиционно рассматриваются в русистике как явления речевой избыточности, находящиеся на границе между стилистическим приёмом и грамматической ошибкой. Гораздо реже эти единицы становятся предметом сопоставительного анализа, тем более на материале языков, принадлежащих к разным типологическим системам, — русского, флективного по своему строю, и узбекского, языка агглютинативного тюркского типа. Различие в самом устройстве этих языков делает сопоставление особенно показательным: там, где русский язык дублирует смысл при помощи отдельных лексем, узбекский нередко достигает того же эффекта усиления через морфологическое удвоение основы, и внешне схожие по функции конструкции опираются на принципиально разные языковые механизмы. Между тем именно на стыке двух неродственных языковых систем избыточность обнаруживает то, что нельзя увидеть при изучении одного языка: национально обусловленный выбор способа удвоения смысла, устойчивость определённых моделей повтора в фольклоре и разговорной речи, разную степень терпимости культуры к дублирующим конструкциям. Настоящая статья ставит целью описать лингвокультурологическую специфику плеоназмов и тавтологий в русском и узбекском языках, опираясь на существующие теоретические разработки и материал, накопленный в русистике и узбекистике по отдельности.

Основная часть

Разграничение плеоназма и тавтологии остаётся дискуссионным вопросом даже в рамках одного языка. Т. А. Ковалева, проанализировав полторы тысячи примеров современного русского

языка, показывает, что семантическая избыточность плеонастических единиц может быть обусловлена как собственно языковыми факторами — частичной или полной синонимией компонентов, — так и экстралингвистическими причинами, связанными с речевой ситуацией и коммуникативным намерением говорящего [2, 160]. М. Н. Есакова, обращаясь к переводческому аспекту проблемы, отмечает, что плеоназм нередко возникает на границе языковых систем — при заимствовании термина вместе с его исконным значением, которое затем дублируется русским эквивалентом, — и потому оказывается особенно показательным материалом именно для сопоставительных исследований [1, 27]. Данное наблюдение прямо указывает на продуктивность межъязыкового подхода: если избыточность формируется на стыке систем, то её изучение вне сопоставления неизбежно упускает часть механизма явления.

Тавтология, в отличие от плеоназма, чаще осмысляется не как ошибка, а как осознанный стилистический приём, выполняющий функцию усиления или эмоционального воздействия. Г. Н. Кораблева и Л. Н. Горелова, анализируя тавтологические конструкции в художественной прозе, показывают, что подобные повторы способны выполнять функции нарастания, выделения значимого элемента высказывания и создания образности, не сводясь к простому дублированию смысла [3, 206]. Показательно, что граница между речевой ошибкой и художественным приёмом в этом случае определяется не самой формой конструкции, а авторским намерением и контекстом её употребления: одна и та же тавтологическая модель в бытовой речи будет воспринята как небрежность, а в художественном тексте — как выразительное средство. Применительно к сопоставлению русского и узбекского материала это разграничение принципиально: то, что в одной языковой традиции воспринимается как норма художественной выразительности, в другой может быть немаркированным способом словообразования или устойчивой формулой фольклорного происхождения, лишённой стилистической нагрузки для носителя языка.

Попытки систематизировать разновидности речевой избыточности предпринимались неоднократно, однако единой общепринятой классификации до сих пор не выработано. В. Ю. Светличная, обобщая существующие подходы, предлагает разграничивать виды избыточности по нескольким основаниям одновременно — по уровню языковой системы, на котором происходит дублирование, по степени осознанности говорящим и по функциональной нагрузке конструкции в тексте [5, 174]. Подобная многомерная типология особенно удобна для сопоставительного исследования: она позволяет соотносить единицы разных языков не по формальному сходству конструкций, а по тому основанию, на котором избыточность в принципе возникает, — а это основание в разных лингвокультурах может не совпадать.

Узбекский язык, обладая развитой системой парных и повторных образований, демонстрирует собственную логику речевой избыточности, во многом отличную от русской. Удвоение основы, характерное для тюркских языков в целом, используется не как отклонение от нормы, а как регулярный словообразовательный и экспрессивный механизм: конструкции по типу «катта-катта» (большие-большие) или парные сочетания синонимичных корней воспринимаются носителями языка как стилистически нейтральное усиление признака, а не как речевая ошибка. Подобные модели затрагивают практически все знаменательные части речи — от прилагательных и наречий, где удвоение усиливает признак или интенсивность действия, до звукоподражательных и образных слов, где повтор служит средством создания живой, разговорной экспрессии. Н. З. Улухужаев, рассматривая фразеологические единицы узбекского языка с лингвокультурологической точки зрения, подчёркивает, что устойчивые обороты этого языка плотно связаны с мифологическими представлениями, архетипическими образами и системой традиционных ценностей народа, а их внутренняя форма нередко сохраняет следы древнего синкретического мышления [6, 615]. Именно поэтому конструкции, которые с точки зрения русской нормы можно было бы описать как плеонастические или тавтологические, во многих случаях оказываются органичной частью узбекской фразеологической картины мира, а не отклонением от нормы, требующим редактирования.

Общее методологическое основание для сопоставления двух традиций даёт

лингвокультурология, изучающая взаимосвязь языковых единиц с культурно значимыми смыслами. В. А. Маслова обращает внимание на то, что интегративный, а не узкодисциплинарный взгляд на язык позволяет вскрыть смыслы, закреплённые в культуре, вере и мировоззрении народа, — смыслы, которые остаются недоступны при чисто структурном анализе языковой формы [4, 224]. Применительно к плеоназмам и тавтологиям это означает, что оценка конкретной конструкции как избыточной или, напротив, как стилистически оправданной не может опираться исключительно на формальные критерии — количество повторяющихся сем или совпадение корней. Требуется учитывать культурный контекст, в котором данная модель повтора сложилась и закрепилась.

Сопоставление русского и узбекского материала обнаруживает несколько устойчивых различий. Во-первых, в русском языке плеоназм чаще всего трактуется как речевая ошибка, требующая устранения при редактировании, тогда как в узбекской традиции парные и удвоенные конструкции нередко являются нормативным средством словообразования, зафиксированным в грамматике языка, а не побочным продуктом небрежной речи. Во-вторых, тавтологические конструкции в русском фольклоре — в первую очередь в сказке и заговоре — выполняют преимущественно ритмообразующую и магическую функцию, тогда как в узбекских пословицах и поговорках повтор корня чаще связан с усилением дидактического, поучительного содержания высказывания. В-третьих, отношение носителей двух языков к избыточности в официально-деловой и научной речи существенно различается по степени нормативной строгости, что отражает не только различие языковых систем, но и разную историю формирования литературной нормы в двух традициях. Наконец, стоит отметить и практическое следствие этих различий: при переводе с узбекского языка на русский стилистически нейтральное для оригинала удвоение нередко приходится либо снимать, либо компенсировать иными средствами выразительности, поскольку буквальная передача парной конструкции в русском тексте будет прочитана как речевая небрежность, а не как культурно обусловленный приём.

Заключение

Плеоназм и тавтология обнаруживают отчётливую лингвокультурную специфику при сопоставлении русского и узбекского языкового материала. То, что в одной традиции квалифицируется как речевой недостаток, в другой оказывается системным элементом словообразования или устойчивой формулой народной словесности, органично вписанной в культурную картину мира. Разграничение плеоназма и тавтологии, предложенное в русистике, применимо к узбекскому материалу лишь отчасти и требует корректировки с учётом агглютинативной природы языка и его собственной традиции осмысления повтора. Существенно и то, что сама категория речевой избыточности перестаёт быть универсальной языковой характеристикой и превращается в культурно опосредованное понятие: граница между ошибкой и приёмом проводится каждой языковой традицией по-своему, и без учёта этого обстоятельства сопоставительное исследование рискует навязать одному языку систему оценок, выработанную для другого. Дальнейшая разработка этой проблематики связана с накоплением сопоставительного корпуса фразеологических и паремиологических единиц двух языков и с уточнением критериев, позволяющих отделить культурно обусловленную норму повтора от подлинной речевой избыточности в каждой из сопоставляемых лингвокультур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есакова, М. Н. Плеоназм как явление речевой избыточности / М. Н. Есакова // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2012. — № 2. — С. 24–32.

2. Ковалева, Т. А. Плеоназм в русском языке XXI века: семантический аспект / Т. А. Ковалева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2017. — № 4. — С. 158–163.

3. Кораблева, Г. Н. Тавтология как стилистический прием (на материале произведений М. Зощенко) / Г. Н. Кораблева, Л. Н. Горелова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2020. — № 3. — С. 205–209.

4. Маслова, В. А. О языке и культуре / В. А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2024. — № 1. — С. 223–227.

5. Светличная, В. Ю. Основные подходы к классификации речевой избыточности / В. Ю. Светличная // Гуманитарные и естественнонаучные исследования: основные дискуссии: материалы XXVIII Всероссийской научно-практической конференции. — Ростов-на-Дону: Изд-во Южного университета ИУБиП, 2021. — С. 172–177.

6. Улухужаев, Н. З. Лингвокультурологический аспект фразеологических единиц узбекского языка / Н. З. Улухужаев // Молодой учёный. — 2016. — № 19 (123). — С. 614–618.